

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1977.3.05>

Т. РОЗЕНБЕРГ

ПЕРЕХОД ИМЕНИЙ НА НАЕМНЫЙ ТРУД И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСЛОЙКИ МЫЗНЫХ РАБОЧИХ В ЮЖНОЙ ЭСТОНИИ В 1860-х ГОДАХ

Вопрос о переходе от барщинного труда к вольнонаемному и формированию сельского пролетариата имеет первостепенное значение при разработке таких проблем, как эволюция аграрного капитализма и образование предпосылок двух социальных войн и социалистической революции. Изучение формирования сельского пролетариата как особой классовой прослойки политически актуально, поскольку именно он стал ближайшим союзником гегемона революционной борьбы — промышленного пролетариата.

Вопрос о формировании сельского пролетариата в Эстонии рассмотрен лишь в общих чертах. Из прибалтийско-немецких историков этому вопросу уделяли внимание представитель дворянского направления А. Тобин и либерально-буржуазный историк А. Агте. А. Тобин связывал это явление непосредственно с отменой барщины и подчеркивал, что сельский пролетариат создан помещиками очень быстро при полном переустройстве всего мизного хозяйства в конце 1860-х годов, когда, якобы, подавляющее большинство лифляндских имений (95%) переходило на чистую денежную аренду.¹

А. Агте², который исходил из аграрного законодательства, также показал, что сельский пролетариат сформировался в Лифляндии к концу 1860-х годов. К сожалению, автор не анализировал дальнейшую эволюцию сельского пролетариата, а сразу же перешел к характеристике его положения на основе сведений, собранных в 1903—1908 гг. в латышской части Лифляндии. К тому же в его работе, как и в работе А. Тобина, речь идет только о мизных рабочих.

Среди эстонских буржуазных историков развитию помещичьего хозяйства и возникновению сельского пролетариата в XIX в. Лифляндии посвятил работу Н. Кёстнер. В отличие от А. Агте, он больше акцентировал экономические факторы, однако тоже ограничился главным образом анализом возникновения сельского пролетариата с точки зрения миз, оставив в стороне занятых в крестьянском хозяйстве сельскохо-

¹ A. Tobien, Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. II. Bd. Riga, 1911, стр. 360.

² A. Agthe, Ursprung und Lage der Landarbeiter in Livland. Leipzig—Tübingen, 1909.

зайственных рабочих, положение которых представил идеализированно патриархальным.³

Эстонские советские историки Ю. Какк⁴ и Х. Уйбо⁵ в своих статьях главное внимание уделили батракам в крестьянском хозяйстве. В. Файнштейн в одной главе своей кандидатской диссертации проследил возникновение мызного пролетариата в Эстляндской губернии.⁶ Возникновение сельского пролетариата в целом посвящен подраздел в труде по истории Эстонской ССР, написанный А. Вассаром.⁷

Упомянутые работы имеют общий недостаток — в них мало использованы статистические данные. Глубже разработан вопрос возникновения и положения сельского пролетариата латышскими советскими историками, прежде всего М. Козиним⁸ и Э. Чивкулем.⁹

Роль отдельных слоев пролетариата в обществе не была равноценной. Если для городского пролетариата основной материальной базой служила фабричная и особенно крупная промышленность как стержень всей капиталистической хозяйственной системы, то для сельского пролетариата в Эстонии такой базой были крупные хозяйства — имения (мызы). Среди городского пролетариата особое место занимали промышленные рабочие, а среди сельского пролетариата — мызные рабочие, так как в ходе классовых боев они составили его самую развитую, организованную и сознательную часть. Для правильного понимания социально-экономических отношений в эстонской деревне необходимо выяснить, как сформировались и что собой представляли эти местные мызные рабочие.¹⁰

В 1860-х годах в эстонской деревне стал господствовать наемный труд и формировались все основные категории мызных рабочих. В процессе перехода имений к использованию наемного труда и формирования прослойки мызных рабочих можно выделить два периода:

I — с начала XIX века до начала 1860-х годов, т. е. со времени первых попыток введения т. н. батрацкого хозяйства в отдельных имениях до массового перехода на денежную аренду и наемный труд;

II — 1860-е годы.

Рассмотрим этот процесс по периодам.

I. Наемный труд в период феодализма, как наглядно показал П. Козловский на материале магнатских поместий Белоруссии, не был альтернативой барщины, а напротив, сопутствовал ей. Обе формы мобилизации трудовых ресурсов выступали вместе, и в большей степени там,

³ N. Kõstner, Teo-orjuse langemine ja maaproletariaadi tekkimine Liivimaal. Tartu, 1927.

⁴ J. Kahk, Külakodanluse ja maaproletariaadi tekkimisest Eesti külas. — «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused.» 1955, № 3.

⁵ H. Uibo, Taluteenijate palgaolud Mulgimaal XIX sajandil. — «Etnograafia-muuseumi aastaraamat XXIV». Tallinn, 1969.

⁶ В. М. Файнштейн, Генезис капитализма в эстляндском помещичьем хозяйстве. Канд. дисс. Tartu, 1967.

⁷ История Эстонской ССР, т. II. Таллин, 1966.

⁸ М. И. Козин, Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (=ЕАИВЕ), 1959. М., 1961; Движение заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Латвии во второй половине XIX в. — ЕАИВЕ, 1965. М., 1970; Экономические предпосылки двух социальных войн в латвийской деревне. — «Известия АН Латвийской ССР», 1974, № 10; Очерки экономической истории Латвии 1860—1900 (под ред. М. И. Козина). Рига, 1972.

⁹ Э. П. Чивкуль, Положение и быт сельскохозяйственных рабочих в Видземе во второй половине XIX в. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

¹⁰ Характеристика источников и анализ экономических предпосылок изложены в предыдущей статье автора: T. Rosenberg, Lõuna-Eesti mõisate üleminekust palgatööjõu kasutamisele 1866. aasta ringküsitleuse andmeil. — «Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused» 1976, № 3.

где были более развиты товарно-денежные отношения и сельскохозяйственное фольварочное производство.¹¹

Как известно, найм в эпоху феодализма обычно делят на принудительный и свободный в зависимости от того, является ли наемный работник крепостным данного феодала или нет. В условиях крепостничества преобладал принудительный наем. Он подготавливал условия для перехода к вольнонаемному труду, который по мере развития производительных сил все больше разрушал феодальный строй и стал господствующим после отмены барщины. Особенности социальной структуры крестьянства той или иной страны еще задолго до победы капиталистических отношений в деревне создали предпосылки возникновения сельского пролетариата.

«Исторической предпосылкой возникновения капитала является... наличие «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы».¹² В отношении земли большая часть эстонских крестьян была свободной уже до начала XIX века. Это создало относительно благоприятные условия для возникновения сельского пролетариата. Развитию найма в мызном хозяйстве способствовало наличие прослойки крестьян, не имевших средств производства и непригодных для феодальной эксплуатации с помощью традиционного механизма «мыза — крестьянский двор». Поэтому в первый период применения наемного труда в имениях мызные рабочие формировались из части крестьян, которые чем-то отличались от основной массы крестьянства. Это были дворовые и бобыли.

Дворохозяева, члены их семей и барщинные батраки активно включились в этот процесс лишь после введения денежной аренды, т. е. в 1860-х годах.

Дворовые. Их состав по роду занятий был очень разнообразным; сюда входили, кроме отдельных лично свободных людей, в основном принужденно нанятые крепостные, которые жили в мызе или на мызной земле и получали средства содержания от мызы. По расчетам Х. Лиги, дворовые в Южной Эстонии в начале XIX века в уездах материковой части составляли 3—5%, а на о-ве Сааремаа — около 2% всего крестьянства.¹³

По роду занятий дворовых можно разделить на четыре группы: 1 — слуги; 2 — должностные лица; 3 — ремесленники; 4 — рабочие. Соотношения групп в имениях Тартуского и Вырусского уездов в начале XIX века характеризуют данные табл. 1.

Самую многочисленную группу дворовых составляли слуги. По данным С. Вахтре, во второй четверти XIX века резко уменьшилось количество дворовых старого типа — прислуживающих — и выросло количество занятых непосредственно в производстве.¹⁴ Прослеживая род занятий мызных работников, можно установить, что большинство из них

¹¹ П. Г. Козловский, Типы хозяйства и рабочая сила в магнатских поместьях Западной и Центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. — ЕАИВЕ, 1971. Вильнюс, 1974, стр. 124.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 64.

¹³ H. Ligi, Talurahva arv ja paiknemine Lõuna-Eestis aastail 1711—1816. — Uurimusi Läänemere maade ajaloo II. (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Vihik 371). Tartu, 1976, стр. 94.

¹⁴ S. Vahtre, Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeil (1782—1858). Tallinn, 1973, стр. 162.

Таблица 1

Дворовые в 1815—1820 гг.*

	Тарту	Выру	
Мужчины	1017	401	
Женщины	706	278	
Дети	743	218	
Всего	2466	897	
Отмечен род занятий	1247	532	
Слуги	522	262	49,2%
Должностные лица	231	73	13,7%
Ремесленники	148	61	11,6%
Рабочие, из них	346	136	25,5%
скотники и пастухи	162	65	
скотницы	72	39	
батраки	60	18	
батрачки	52	16	
Всего имений, по которым имеются данные	122	60	

* ЦГИА ЭССР, ф. 567, оп. 1, д. 11—288. Дворовые отмечены поименно в вакенбухах, составленных в 1804—1805 и 1815—1820 гг. Данные ранних вакенбухов подробнее и точнее, так как в них учтены и жившие на мызной земле корчмари, мельники, лесники, ремесленники и в крестьянских домах надсмотрщики и члены их семей, т. е. те, кто не всегда учитывался в поздних вакенбухах. Поэтому общее число дворовых по вакенбухам 1815—1820 гг. примерно на четверть меньше, чем по данным 1804—1805 гг.

были скотниками и пастухами. В помощь барщинным батракам часто брали батраков и батрачек из дворовых.

Средства содержания дворовые получали от мызы в следующем порядке:

1) на мызных харчах состояли слуги, ремесленники и должностные лица, которые жили в самом имении;

2) корчмари, мельники, лесники, а также часть ремесленников и сторожей (две последние категории чаще всего были из бобылей) получали за службу участки мызной земли;

3) часть должностных лиц, например, надсмотрщики (обычно из дворохозяев), освобождалась от барщины;

4) продукты (т. н. депутат) и участок земли получала та категория людей, которая обычно жила в подмызках: скотники, пастухи, батраки. Из-за такого вида вознаграждения их уже в начале XIX века называли «депутатистами».

Эту последнюю группу людей уже можно считать наемными рабочими. Следовательно, наемный труд дворовых в данный период в наиболее явственном виде применялся в животноводстве.¹⁵ Имению было выгоднее нанимать постоянных рабочих для ухода за скотом, чтобы меньше тратить на это барщинных дней, которых нехватало для земледелия, особенно после попыток введения новых методов хозяйствования. Позднее, в 1860-х годах, путь перехода на капиталистическое хозяйствование был связан с наймом рабочих для полевых работ, так как мызное животноводство было обеспечено рабочими в основном уже до отмены барщины.

Бобыли (эст. vabadik). Они представляли собой своеобразную

¹⁵ Аналогичные явления отмечены в помещичьем хозяйстве Белоруссии: П. Г. Козловский, Типы хозяйства и рабочая сила в магнатских поместьях Западной и Центральной Белоруссии во второй половине XVIII в., стр. 125.

прослойку, можно сказать, зачаточную стадию сельского пролетариата. Рамки и положение этой прослойки были весьма неопределенны, так как она образовалась из разных категорий крестьянства. Х. Лиги подразделял бобылей на три группы¹⁶:

1) безземельные, не имевшие самостоятельного хозяйства и постоянного местожительства;

2) проживавшие продолжительное время у сошных крестьян, работавшие батраками или находившиеся в положении постоянных поденщиков и получавшие во временное пользование небольшой участок земли;

3) владельцы бобыльских наследственных участков, имевшие самостоятельное хозяйство и землю, расположенную обычно на окраине деревенских полей, за пользование которой они несли феодальные повинности.

Таблица 2

Бобыли имения Хеймтали в 1953 г.*

Бобыли (мужчины)	Трудоспособные	Старые, больные	Всего	Ремесленники	Имевшие собственное жилье	Имевшие			Получавшие средства жизни от земледелия, скотоводства и ремесла на				Получавшие средства жизни или работу от			
						лошадей	коров	мелкий скот	2	3-4	6-8	9-12	не получали	мызы	крестьян	не отмечены
Безземельные	11	6	17	2	14	2	6	7	1	—	1	—	16	6	5	6
Возделывающие землю (1/2 — 2 лофштеля)	32	4	36	8	33	5	38	19	3	8	17	7	—	3	26	7

* ЦГИА ЭССР, ф. 1342, оп. 1, д. 28. По Лифляндскому крестьянскому закону 1849 г. волостные суды должны были ежегодно представлять приходским судам точные списки бобылей с указанием их занятости. Как отметил К. Хээн, это требование не выполнялось. Самому Хээну удалось такие списки обнаружить лишь в одном приходском суде Тартуского уезда, по которым в 11 имениях было 234 бобыля, из них нетрудоспособных — 137 (С. Н e h n, Die Intensität der livländischen Landwirtschaft. Dorpat, 1858, стр. 95). Один такой список 1853 г. сохранился в фонде Хеймтальского имения (ЦГИА ЭССР).

Положение бобылей характеризуют данные табл. 2. В имении Хеймтали Вильяндиского уезда в 1857 г. насчитывалось 493 человека мужского и 613 человек женского пола.¹⁷ В 1853 г. было 53 взрослых мужчины-бобыля, большинство из них средних лет; 48 бобылей были семейными, так что вместе с семьями они составляли 170 человек, или около 15% крестьян имения. На мызной земле находился лишь один бобыльский участок, остальные жили у крестьян при 32 дворах (мызе принадлежали 40 крестьянских дворов). От батраков бобыли отличались тем, что имели свое хозяйство и не нанимались на работу на длительный срок. Основным источником их существования были заработки на поденных сезонных работах.

По демографическим данным, в первой половине XIX века росли число и удельный вес неимущих прослоек крестьянства (бобылей и

¹⁶ Х. Лиги. Бобыли и мыза в Эстонии (XVI — начало XIX в.). — Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1975, стр. 319.

¹⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1865, оп. 3, д. 214: 2 (X 1857).

батраков). Хотя бобыли жили в весьма стесненных условиях, они все же находились в лучшем положении, чем барщинные батраки. Если в Эстляндской губернии в конце XVIII века бобыли составляли 15%, то к середине XIX века их доля выросла до 25%. При этом среди бобылей увеличилось количество мужчин и трудоспособных лиц.¹⁸

Бобыли оставались резервом рабочей силы, хотя в рамках феодального хозяйства они не могли быть использованы в полной мере. Как писал экономист К. Хээн в 1858 г., по действующим законам в имениях и крестьянских дворах Лифляндской губернии выполнение всех работ требовало 200 000 человек. В губернии же насчитывалось около 700 000 человек, из которых трудоспособных — 350 000. Следовательно, около половины рабочей силы не находило применения, прежде всего это касалось бобылей.¹⁹

В то же время во второй четверти XIX века имения начали переходить к многополью, распространялись новые культуры, развивалось животноводство, расширялось винокурение и укреплялись связи мызного хозяйства с рынком. Однако при барщине все попытки поднять доходность имения остались малорезультативными. Интенсификация всего хозяйства постоянно требовала дополнительной рабочей силы, которую крестьянские дворы не были в состоянии дать в виде барщины. Шире применять рабочую силу бобылей они тоже не могли, так как в мызном хозяйстве нехватало собственного скота и инвентаря. Перед лифляндскими помещиками встала проблема — как занять большую группу бобылей и обеспечить хозяйство рабочей силой. Поиски выхода из создавшегося положения отразились в постановке вопроса о бобылях и в попытках введения в имениях т. н. батрацкого хозяйства.

Вопрос о бобылях в прибалтийском аграрном законодательстве стоял уже с начала XIX века. Помещики стремились при помощи соответствующих законов 1804 и 1849 гг. заставить бобылей нести феодальную повинность или совсем ликвидировать эту невыгодную с их точки зрения категорию крестьян.²⁰ Стало очевидным противоречивое явление: с одной стороны, рост прослойки бобылей был результатом политики самих помещиков — усиление феодальной эксплуатации и расширение мызной запашки разорили часть крестьянских дворов; с другой стороны, помещики пытались втиснуть бобылей обратно в старые рамки феодальной эксплуатации, заставляя их идти батраками в разоренные крестьянские дворы, чтобы поднять их экономическую мощь или путем расширения бобыльских участков превратить последние в новые повинностные крестьянские дворы.

Лифляндские крестьянские законы 1849 и 1860 гг. уже предвидели возможность превращения части бобылей в неимущих наемных рабочих или мелких земледельцев, полностью зависимых от мызы.²¹ Так, запрещалось образование новых бобыльских участков на крестьянской земле. По закону 1849 г., участки менее 1/12 гака (по Положению 1860 г. — менее 1/8 гака) могли быть только на мызной земле. Мыза могла завладеть уже имеющимися бобыльскими участками путем расширения мызной земли за счет крестьянской (т. н. квотная земля, пер-

¹⁸ S. Vahre, Eestimaalurahvas hingeloenduste andmeil (1782—1858), стр. 166—167.

¹⁹ C. Hehn, Die Intensität der Livländischen Landwirtschaft, стр. 93—94.

²⁰ Аналогичные попытки феодалов ликвидировать прослойку бобылей известны уже с начала XVI века. Х. Лиги. Бобыли и мыза в Эстонии (XVI — начало XIX в.), стр. 321.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II, СПб. (далее — II ПСЗ), т. 24, № 23385, ст. 139, 600—642; II ПСЗ, т. 35, № 36312, ст. 114, 551—586.

воначально предусмотренная как раз для наделения мызных батраков и бобылей) или обмена мызной земли на те участки крестьян, на которых находились бобыльские хаты. Позже мызы превратили таких бобылей в мызных батраков или поденщиков с маленьким клочком земли. Привязанные таким образом к мызе, они не могли свободно располагать своим трудом и оставались резервной рабочей силой, как и прежде.

Наем бобылей на поденные работы был довольно широко распространен в первой половине XIX века. Такое применение рабочей силы известно уже с начала XVI века.²² Новым был только наем постоянных мызных батраков.

Попытки помещиков вести интенсивное хозяйство на основе барщинного труда натолкнулись на ряд трудностей, так как барщинный труд был малопроизводителен и существовал предел увеличению барщинных повинностей. Поэтому уже с начала XIX века высказывалось мнение о необходимости отказаться от барщины.

Г. Меркел в 1814 г. в своей конкурсной работе Русскому вольному экономическому обществу пропагандировал буржуазное предпринимательство, доказывая, что труд вольнонаемных батраков обходится помещику гораздо дешевле, поскольку при этом отпадает необходимость содержать рабочих в течение года — их можно нанимать лишь на время сезонных работ.²³ Второй сторонник свободной экономической конкуренции и наемного труда хеймтальский помещик П. Сиверс писал в 1818 г., опираясь уже на свой опыт, что наемный рабочий делает почти вдвое больше, чем барщинный батрак.²⁴

П. Сиверс был первым помещиком в Прибалтике, который стал применять постоянных наемных рабочих. Чтобы получить дополнительную рабочую силу для новых построек, он решил заселить на мызной земле батрацкие участки по примеру бобыльских участков у крестьян. В 1805 г. он заселил первый такой батрацкий участок (нем. Häuslerstelle), в 1816 г. в имении было уже восемь батрацких семей с 19 работоспособными людьми.²⁵ Батрак обязан был в течение года отработать 299 дней, получая в день по 22,5 коп. серебром, а также имея квартиру в построенном мызой батрацком доме, дрова, место в хлеву, место на пастбище для двух коров и 2 лофштеля земли под огород. В зависимости от числа отработанных дней батрак мог купить соответствующее количество продуктов по более дешевой цене. Жена и дети батрака также обязывались выполнять мызную работу, за которую получали отдельную плату. Эти условия оплаты сохранялись в Хеймтали в течение более полувека. Батраков использовали в основном как квалифицированных рабочих (плотников, кровельщиков, ремесленников) или на дополнительных работах (рытье канав, удобрение земли, уход за скотом и пр.). Полевые работы выполнялись барщинниками, в дополнение к которым во время жатвы использовали поденщиков из бобылей. Со временем число мызных батраков увеличилось и их стали использовать также на полевых работах.

По условиям быта, работы и зарплаты они напоминали депутатов второй половины XIX века. Так, уже в начале XIX века сложилась одна из основных форм найма мызных рабочих.

²² H. Ligi, Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja ajal (1558—1561). Tallinn, 1961, стр. 107.

²³ (G. Merkel), Beweis, dass es halb so viel koste, seine Länderein von Tagelöhnern bestellen zu lassen, als von leibeigenen Bauern. Riga, 1814.

²⁴ Peter Reinhold v. Sivers, Auflösung einiger Hauptknoten zur Auflösung der Leibeigenschaft in Livland. — «Neue Inländische Blätter» 1818, № 22, 24.

²⁵ P. v. Sivers, Über einige auf dem Gute Heimthal etablierte Häuslerfamilien. — «Neuer ökonomischer Repertorium für Livland». 1816, Bd. III., St. 4, стр. 526—542.

П. Сиверс широко пропагандировал свой опыт. Его примеру последовали и другие помещики, особенно во второй четверти XIX века. Они перестраивали свои хозяйства, основываясь на применении наемного труда и опираясь при этом на германский опыт. Имели место и другие формы найма.

В имении Муналаске Эстляндской губернии в 1844 г. работали, кроме барщинников, 12 годовых батраков, 4 батрака, нанятых на лето, и 14 поденщиков из бобылей. Чтобы иметь поденщиков в любое время, помещик заключал договор с бобылями, жившими на мызной земле. Они должны были за пользование 2 десятинами пашни и 6 десятинами сенокоса отработать два дня в неделю и, кроме этого, быть готовыми явиться по первому приказу на работу за поденную плату. Они должны были также предоставлять в своей хате жилье для двух мызных батраков.²⁶ Такую форму найма применяли помещики и некоторых других имений.²⁷

Мызные работники должны были в большинстве случаев только служить дополнительной рабочей силой в базировавшемся на барщине хозяйстве. Лишь со временем возникла идея чисто батрацкого хозяйства, которое рассматривали уже как альтернативу барщины. Но шаги к осуществлению этой идеи остались вплоть до конца 1850-х годов нерешительными и половинчатыми.

Как отмечалось в отчете Лифляндского экономического общества (далее ЛЭО) за 1857 г., в Лифляндии было еще очень мало имений с постоянными батраками.²⁸ Барон Кампенхаузен, оценивая в 1858 г. результаты 20-летних опытов по организации батрацкого хозяйства, писал, что появляющееся батрацкое хозяйство строилось на подражании иностранному, на чуждых местным условиям отношениях или на доктринерском следовании рецептам. Естественно, что вследствие этого батрацкие хозяйства, возникавшие в последние 10 лет, не дали удовлетворительных результатов и большинство из них вскоре исчезало. Конечно, эти попытки не остались бесполезными, так как они подготовили почву для будущего, более успешного развития.²⁹ Однако некоторые современники понимали и истинные причины неудач. Так, прибалтийский экономист А. Гук отметил, что батрацкое хозяйство может существовать только при отмене барщины и переводе крестьян на денежную аренду, в условиях свободного предложения рабочей силы.³⁰

Для рассматриваемого периода характерно, что многие прибалтийские помещики, с одной стороны, видели и критиковали недостатки барщины, а с другой, подчеркивали невозможность ее отмены.³¹

Подавляющее же большинство лифляндских помещиков еще в 1850-х годах оставались убежденными сторонниками барщины как единственного способа ведения хозяйства. Лишь политические причины заставляли их с 1860-х годов переходить на денежную аренду и наемный труд.

II. В апреле 1860 г. ЛЭО сообщил Департаменту сельского хозяй-

²⁶ С. F. v. Hueck. Das Gut Munnalas in Estland und meine Bewirtschaftung desselben in den Jahren 1838 bis 1845. Revel, 1845, стр. 80—81.

²⁷ Alex. von Hueck. Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Est-, Liv- und Kurland. Leipzig, 1845, стр. 198.

²⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 318.

²⁹ Campenhausen zu Ozellen, Einige Erfahrungen bei dem Betriebe der Knechtswirtschaft. Riga, 1858, стр. 5.

³⁰ Alex von Hueck, Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Est-, Liv- und Kurland, стр. 190, 195.

³¹ J. Kahk, Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland (Das zweite Viertel des 19. Jahrhunderts). Tallinn, 1969, стр. 130.

ства Министерства Государственных Имуществ, что Лифляндия вступила в период перехода от барщины к наемному труду.³²

Если в период барщины не было возможности использовать всю рабочую силу, то в начале 1860-х годов, напротив, возникла нехватка рабочих рук.³³ Причина этого заключалась в том, что замена барщинной аренды денежной резко подняла потребность имений в рабочих. В то же время еще существовавшая барщинная и смешанная аренды задерживали в крестьянских дворах массу барщинных батраков. Бобыли и батраки не хотели становиться мызными рабочими. Вследствие этого поднялась зарплата последних.

Не желая платить лишнюю копейку, некоторые помещики Южной Эстонии в начале 1860-х годов пытались переселить сюда рабочих из Германии. Они надеялись на более дешевый труд немецких батраков и более высокую производительность труда. Действительно, в начале 1860-х годов немецкие батраки (в большинстве своем из Померании) служили в Выруском уезде в имениях Вастселийна, Орава, Вастсе-Казарица, Урвасте, Антсла, Коорасте, Тилси, Эраствере и Кроотусе; В Тартуском уезде в имениях Палупера, Хелленурме, Пилкусе и в Вильяндиском уезде в некоторых имениях прихода Хелме.³⁴

По мере ликвидации барщинной аренды исчезла и нехватка рабочих. Как отмечал А. Тобин, это стало особенно заметно начиная с 1862 г.

Отмена барщинной аренды привела даже к временной безработице среди безземельных. Хотя, по мнению помещиков, зарплата оставалась еще достаточно высокой, все же отпала необходимость в немецких рабочих.³⁵

В этот переходный период самой острой социально-экономической проблемой была проблема сельских рабочих. Она обсуждалась на дворянских ландтагах, на заседаниях сельскохозяйственных обществ уездов и губерний и в печати. Главные трудности заключались в нехватке собственного скота и инвентаря в имениях, что требовалось при хозяйствовании с наемными рабочими.³⁶ Чтобы преодолеть возникшие затруднения, применялись характерные для переходного периода меры; одной из них был раздел мызной земли на три части. Лучшую и наиболее близкую к имению часть предлагалось обрабатывать с помощью наемных рабочих. Отдаленные же и низкокачественные земли разбивались на участки и сдавались в аренду на прежних кабальных условиях крестьянам, часть же этой земли предусматривалось раздавать клочками мызным рабочим в виде зарплаты.³⁷ Таким и сложилось землепользование в дальнейшем.³⁸

Политика помещиков по отношению к рабочей силе нашла программное выражение на совещании прибалтийских земледельцев в Риге, в июне 1863 г. Там подчеркивалось, что следует стремиться не только к созданию наиболее эффективной и дешевой рабочей силы, но и к сплочению консервативного элемента среди сельского населения. Хотя система чистой поденной оплаты для помещиков экономически наиболее

³² ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 358, стр. 6.

³³ А. Tobien, Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. II. Bd, стр. 357.

³⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 366, стр. 5, 17, 29, 32; д. 391, стр. 7, 10, 25.

³⁵ А. Tobien, Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. II. Bd, стр. 362.

³⁶ Т. Rosenberg, Lõuna-Eesti mõisate üleminekust palgatööjõu kasutamisele 1866. aasta ringküsitleuse andmeil, стр. 267.

³⁷ «Das Inland» 1860, № 22.

³⁸ Т. Rosenberg, Lõuna-Eesti mõisate üleminekust palgatööjõu kasutamisele 1866. aasta ringküsitleuse andmeil, стр. 266.

выгодна, но она чревата и определенной опасностью — опасностью возникновения пролетариата. Поэтому считалось, что «разумнее» использовать т. н. ландкнехтов (весьма распространенных в Курляндии), которым платили землей за три дня работы в неделю.³⁹ Такой политики и придерживались помещики в переходный период.

В конце 1850-х и в 1860-х годах в Лифляндии сложились все применяемые в мызах до 1917 г. формы найма и категории мызных рабочих. Мызных рабочих тех лет по форме найма и оплаты труда можно разделить на три основные группы:

- 1) постоянные батраки с оплатой по ландкнехтской системе;
- 2) постоянные батраки с оплатой по депутатской системе;
- 3) сезонные рабочие и поденщики, которые получали денгами.

Батраки-ландкнехты (эст. *kandimees*). Характерным для переходного периода в мызном хозяйстве было широкое применение труда батраков-ландкнехтов. Часто называли их и полубатраками.⁴⁰ Для ведения хозяйства на участке ландкнехта или испольтника надо было иметь хоть самый плохонький инвентарь, поэтому батраки-ландкнехты и испольтники набирались из разоренных и лишившихся хуторов крестьян-арендаторов, младших сыновей и братьев дворохозяев, владельцев бобыльских участков и полубатраков.

Испольтников нельзя считать рабочими, так как здесь налицо отработочная аренда, суть которой состояла в обработке помещичьей земли инвентарем крестьянина. Это был прямой пережиток барщинного хозяйства.⁴¹ В имениях Южной Эстонии в 1860-х годах испольтников было мало. По данным анкеты 1866 г., их применяли лишь в имении Вяйке-Улила Тартуского уезда и в имении Рээгольди Вильяндиского уезда. В Лифляндской губернии испольтники были больше распространены на латышской территории, особенно в Валмиерском уезде.

По условиям труда и зарплаты можно выделить несколько типов ландкнехтов, одни из которых были ближе к отработочным арендаторам, другие — к мызным рабочим. Каким же был типичный ландкнехт?

Ландкнехт получал по договору, заключенному обычно на 6 лет, вознаграждение за свой труд: 1/2—2 лофштеля огорода, 7—12 лофштелей пашни и примерно такую же часть пастбища. Обычно он держал лошадь, две коровы, несколько свиней и овец. Землю ландкнехт обрабатывал, пользуясь собственным скотом и инвентарем. Таким образом, сбор от посева и вообще доход от хозяйства на отведенной земле и служил тем реальным вознаграждением, которое получал ландкнехт за использование своей личной рабочей силы на участке помещика, где он обыкновенно должен был работать три дня в неделю и, кроме того, по договору, обрабатывать определенную часть мызных полей.

Вместе с землей ландкнехт получал жилье и хозяйственные помещения, которые по истечении срока договора должен был передать в хорошем состоянии. Материал для ремонта и дрова он получал из помещичьего леса, но должен был сам их заготавливать и вывозить. Поля он получал обработанными и засеянными и обязан был оставить их

³⁹ Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft. Bd. 16, H. 2, Dorpat, 1863, стр. 160—161.

⁴⁰ Во время барщины полубатраки были широко распространены в Южной Эстонии у крестьян. Они работали 3—4 дня в неделю в крестьянском хозяйстве, а остальное время — в своем бобыльском хозяйстве или поденщиками. В большинстве мыз от полубатраков барщины не требовали, только местами они выполняли некоторые вспомогательные работы. Х. Лиги, Бобыли и мыза в Эстонии (XVI — начало XIX в.), стр. 325.

⁴¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 186—187.

такими же после себя. Во избежание истощения полей, высеив льна был ограничен. Запрещалось также продавать или одалживать сено, солому, мякину и навоз, полученные с участка. Иногда ландкнехт был вынужден представлять жилье мызному депутату или сезонному рабочему. Все убытки от стихийного бедствия он нес сам. В случае невыполнения условий договора ландкнехт мог полатиться всем своим имуществом.

Наделение батраков землей было выгодно помещикам, так как не требовало лишних денежных средств ни для оплаты труда нанятых батраков, ни для обработки выделенной им земли.

Таким образом, ландкнехт во многом походил на отработочного арендатора или дворохозяина времен барщины. Это отмечали и современники. Помещик Н. Вилкен из имения Вока Вирусского уезда Эстляндской губернии, который считал такую форму найма нецелесообразной, писал, что это лишь иная форма барщины. Если прежняя барщина была опосредована, т. е. мыза использовала труд барщинного батрака посредством крестьянского двора, то нынешняя — непосредственная, организованная самой мызой.⁴²

Чтобы отличить, когда имела место явная отработочная аренда, а когда только кажущаяся, надо посмотреть, работал ландкнехт на мызных полях с собственной или мызной упряжкой. В последнем случае мы имеем дело с т. н. отработками второго вида, которые мог выполнять и сельский пролетарий, не имевший никакого инвентаря.⁴³

Принятое 13 ноября 1860 г. «Положение о крестьянах Лифляндской губернии» тоже отличало служебные договоры от издельной аренды. Служебными договоры признавались тогда, когда заарендованный участок не превышал 5 лофштелей пахотной и огородной земли. Если участок был больше (но для обработки не требовал более одной лошади), мыза не имела права ожидать за это выполнения конных дней и более 460 пеших дней в год. Оговоренные служебные обязанности должны были распределяться равномерно на весь год или ограничиваться какой-либо определенной работой, а срок договора — не превышать 12 лет. Подобные договоры разрешалось заключать только на участки мызной земли. В пределах же повинностной земли арендное содержание участков, меньших 1/8 гака, не допускалось.⁴⁴

В некоторых имениях за договором ландкнехта скрывалась издельная аренда. Например, ландкнехты должны были имениям Пилкусе и Удерна Тартуского уезда отработать в неделю 1,5 конных и 1,5 пеших дней.⁴⁵ Но в большинстве имений ландкнехты работали уже с мызной упряжкой. Некоторые т. н. ландкнехтские участки в имениях Нээрuti и Кивиярве Тартуского уезда имели до 20 лофштелей пашни, и наемные рабочие должны были отработать 4—6 дней в неделю.⁴⁶ Такие участки представляли собой уже арендные участки на мызной земле, так как для исполнения мызной работы они должны были иметь или нанимать второго работника.

Некоторые ландкнехты работали на мызе даже больше, чем три дня в неделю, хотя их участки по размерам не превышали среднего или даже были меньше. В таком случае они получали немного денег или зерна. Так, ландкнехт в имении Крюднери Тартуского уезда за 1/3 лофштеля огорода, 8 лофштелей пашни и 6 лофштелей сенокоса работал

⁴² N. Wilcken, Unsere ländliche Arbeiterfrage. — «Baltische Monatschrift» 6. Bd. Riga, 1862, стр. 408.

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 199.

⁴⁴ II ПСЗ, т. 35, № 36312, ст. 114, 151—152.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 1427, оп. 1, д. 188, 190.

⁴⁶ Там же, д. 184, 188.

150 дней в году. Кроме того, он должен был работать еще 70 дней, за что он получал от мызы 3 лофа ржи, 2 лофа ячменя, 1,5 пуда соли, мыза платила за него подати и за хорошую работу добавляла еще 3 руб.⁴⁷

Подобные ландкнехты по условиям работы и зарплаты были близки к депутатистам или поденщикам с землей. Они были распространены в Вильяндиском уезде в имениях Тарвасту, Рийдая, Пээгле, Полли, Тухалаане, Паюси, Тапику, Пуяту, Вана-Выйду, Вийратси и в Вырусском уезде в имениях Праги, Тилси, Вастсе-Пийганди, Вастсе-Антсла, Койги, Линнамяэ, Карула, Каагъярве, Койккюла.

При переходе крестьянских дворов на денежную аренду возрос спрос на ландкнехтские участки. Освободившиеся у крестьян барщинные батраки, лишённые двора арендаторы и прочие родственники дворохозяина предпочитали положение ландкнехтов депутатистскому. Земельный участок имел свою притягательную силу. Получив его, рабочий мечтал со временем приобрести соответствующий инвентарь, скот и скопить деньги, чтобы завести собственное хозяйство.

Помещики не могли избежать создания земельных участков в переходный период, так как товарно-денежные отношения были еще мало развиты и механизм спроса—предложения рабочей силы не соответствовал новым условиям. В начале 1860-х годов наблюдалось интенсивное образование батрацких участков, за счет которых уменьшалась обрабатываемая самой мызой площадь. Несмотря на невыгодность такой системы, многие помещики упорно придерживались ее, так как при этом не требовались средства на наем рабочей силы и обеспечивалось получение определенного дохода без значительных затрат. Такой способ более всего соответствовал привычкам, которые выработались у помещиков при крепостном праве.

Но с середины 1860-х годов некоторые помещики уже заметили, что хозяйствование с батраками-депутатистами выгоднее, так как отданные в вознаграждение ландкнехтам участки не приносят имению дохода, а уменьшают площадь пастбищ и лугов, необходимую для мызного скота, при неурожае же мыза волей-неволей вынуждена помогать ландкнехтам зерном и кормом. Они поняли, что выгоднее привлекать к обработке мызных земель батраков, а ландкнехтам отводить участки на худших землях, на окраине или «новины», т. е. земли, впервые обрабатываемые под пахоту.⁴⁸ Так предприимчивые помещики пытались, используя нужду крестьянства в земле, дешево увеличивать хозяйственную и полезную площадь мызных земель.

Поденщики. В нашей исторической литературе вопрос о распространении поденщиков затрагивался мало, хотя с точки зрения развития капиталистических производственных отношений он очень важен. Применение поденщиков рассматривается обычно как свободный наем, который характерен для развитых капиталистических отношений. Но здесь надо особое внимание обратить на условия продажи рабочей силы. При изучении их выясняется, что в мызном хозяйстве Эстонии использовались по меньшей мере два вида поденщиков: нанятые заранее и связанные особыми условиями (*angesiedelte Tagelöhner*) и свободные.⁴⁹

Имена и дворы нуждались в поденной работе, что было связано с сезонным характером сельского хозяйства. При натуральном хозяйстве в течение года требовалось относительно одинаковое количество рабочих рук (хотя в зимнее время их использовали лишь частично). Капитали-

⁴⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 183.

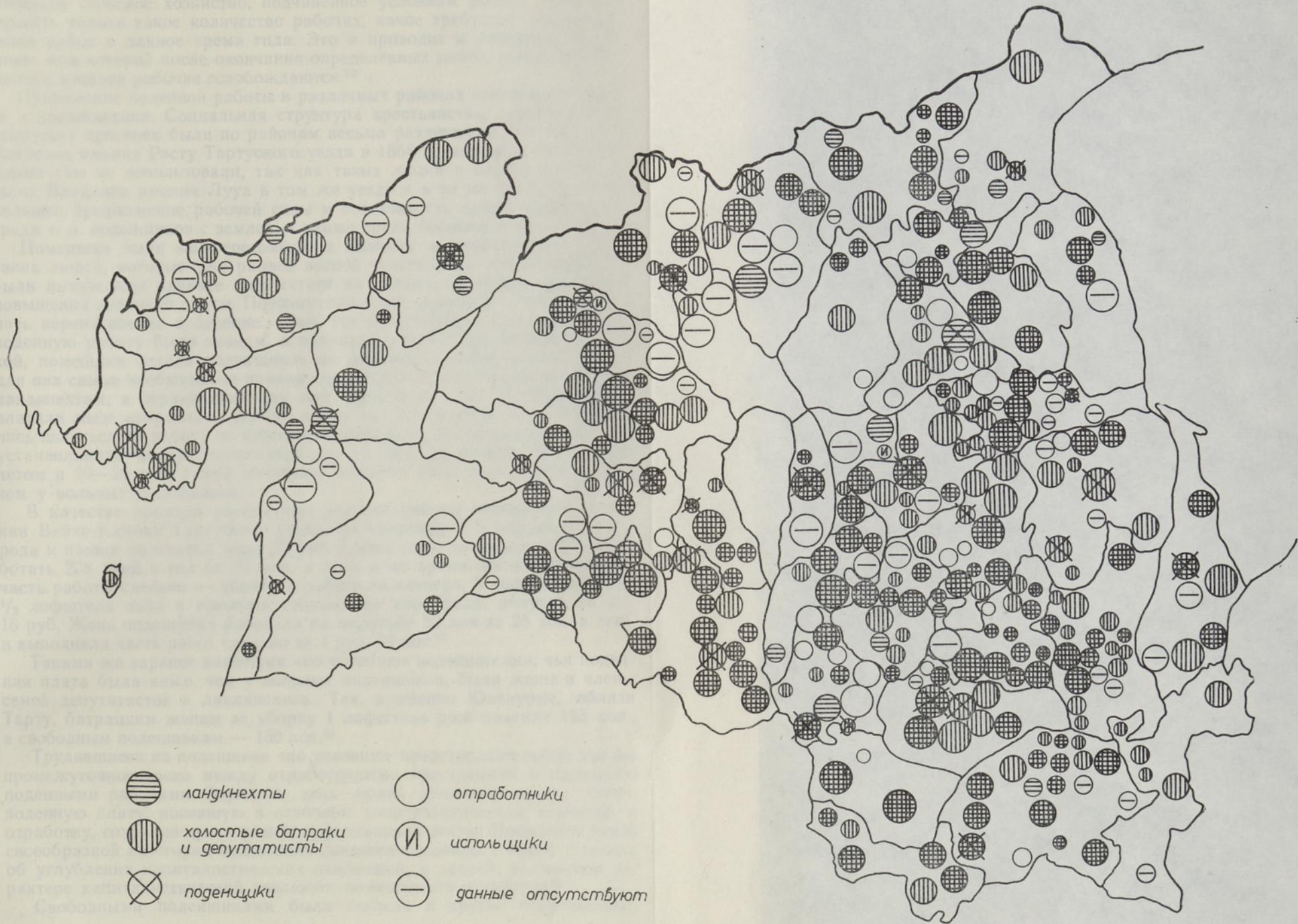
⁴⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 366, стр. 13—14.

⁴⁹ О подобных явлениях в русской деревне см.: Д. И. Будаев, Смоленская деревня в конце XIX и начале XX вв. Смоленск, 1972, стр. 131.

Таблица 3
Социальная структура Палуераского, Хольстресского, Хеймталского и Коорюлаского волостных обществ в 1866 г.*

Социальные группы	Палуэра			Хольстре			Хеймтали			Коорюла				
	Муж- чины	%	В Месте с Семей	Муж- чины	%	В Месте с Семей	Муж- чины	%	В Месте с Семей	Муж- чины	%	В Месте с Семей		
Собственники и арендаторы крестьянских дворов	33	12,1	127	13,1	20,0	501	40	12,7	178	14,8	27	10,3	106	12,3
Хозяйские батраки и батрачки	64	23,5	170	17,5	40,0	664	84	26,9	358	29,7	55	21,0	168	19,6
Бобыли на крестьянской земле	79	28,9	317	32,6	17,2	564	98	20,5	251	20,8	40	15,3	158	18,4
Мызной земле	49	17,9	187	19,2	2,5	68	25	8,0	74	6,2				
Поденщики, нищие, калеки и т. п.	—	—	—	—	8,6	105	3	0,9	27	2,2	67	25,6	145	16,9
Мызные рабочие:														
батраки и депутаты	4	1,5	17	1,7	2,5	43	51	16,3	206	17,1	56	21,3	222	25,9
ландкнехты	20	7,3	74	7,6	4,6	111	—	—	—	—	—	—	—	—
Ремесленники и мызные слу- жащие	24	8,8	81	8,3	4,6	86	46	14,7	111	9,2	17	6,5	59	6,9
Всего	273	100,0	973	100,0	100,0	2142	314	100	1205	100	262	100	858	100,0

* ЦГИА ЭССР, ф. 3106, оп. I, д. 127; ф. 3316, оп. I, д. 137; ф. 1068, оп. I, д. 169; А. V a s s a r, Maajagamise nõudest 1860-nda-
te aastate palvekirjade aktisoonides, стр. 122.

	ландкнехты		отработники
	холостые батраки и депутатисты		испольщики
	поденщики		данные отсутствуют

1	2	3	4

Распространение мызных рабочих в частных и казенных имениях Южной Эстонии в 1866 г. Величина имений по площади мызной пашни в лофштелях: 1 — до 300, 2 — 300—600, 3 — 600—1200, 4 — более 1200.

стическое сельское хозяйство, подчиненное условиям рынка, стремится держать только такое количество рабочих, какое требуется для выполнения работ в данное время года. Это и приводит к развитию поденщины, при которой после окончания определенных работ, например уборочных, лишние рабочие освобождаются.⁵⁰

Применение поденной работы в различных районах зависело от спроса и предложения. Социальная структура крестьянства, особенно доля неимущих прослоек были по районам весьма различными (см. табл. 3). Владелец имения Рэсту Тартуского уезда в 1868 г. указывал, что поденщиков там не использовали, так как таких людей в округе просто не было. Владелец имения Лууа в том же уезде и в то же время отметил большое предложение рабочей силы и возможность найма поденщиков среди т. н. поденщиков с землей, а также среди бобылей и крестьян.⁵¹

Помещики были заинтересованы в наличии в окрестностях мызы таких людей, которые уже ранней весной чувствовали острую нужду и были вынуждены заранее наниматься на работу, не успев дожидаться повышения поденной платы. Поэтому помещики делали все, чтобы сохранить перенаселение в деревне. Там, где естественное предложение на поденную работу было низким, а поденная плата соответственно высокой, помещики селили поденщиков на окраины мызных земель, строя для них самые необходимые помещения, но отводя им меньше земли, чем ландкнехтам, и ограничивая для них количество скота.⁵² Поденщики платили мызе квартплату (сумма вычиталась из зарплаты) и обязывались являться на работу по первому требованию. Это позволяло заранее устанавливать твердую поденную плату на весь год (обычно 25—35 коп. летом и 20—25 коп. зимой мужчине), которая была значительно ниже, чем у вольных поденщиков.

В качестве примера рассмотрим условия работы поденщика в имении Вяйке-Камбья Тартуского уезда. За квартиру и 5 лофштелей огорода и пашни он платил мызе 26 руб. Кроме того, он должен был отработать 208 дней в год за 25 коп. в день и во время жатвы выполнить часть работы сдельно — убрать 2 лофштеля клевера, 6 лофштелей ржи, 1/2 лофштеля льна и вскопать столько же картофеля, получив за это 16 руб. Жена поденщика работала на молотье 32 дня за 25 коп. в день и выполняла часть работ сдельно за 4 руб. 50 коп.⁵³

Таковыми же заранее нанятыми «по условию» поденщиками, чья поденная плата была ниже, чем у вольных поденщиков, были жены и члены семей депутатов и ландкнехтов. Так, в имении Юленурме, вблизи Тарту, батрацким женам за уборку 1 лофштеля ржи платили 125 коп., а свободным поденщикам — 150 коп.⁵⁴

Трудившиеся на поденщине «по условию» представляли собой как бы промежуточное звено между отработочными крестьянами и наемными поденными рабочими. Зарплата этих людей делилась на две части: поденную плату, носившую в основном капиталистический характер, и отработку, сохранившую черты полуфеодальной ренты. Появление такой своеобразной категории поденщика свидетельствовало, с одной стороны, об углублении капиталистических отношений, с другой, о сложном характере капиталистической эволюции помещичьего хозяйства.⁵⁵

Свободными поденщиками были бобыли и другие безземельные,

⁵⁰ Очерки экономической истории Латвии, стр. 61.

⁵¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 464, стр. 13, 22.

⁵² Там же, д. 39, стр. 4—5.

⁵³ ЦГИА ЭССР, ф. 1370, оп. 1, д. 39, стр. 7.

⁵⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 180.

⁵⁵ Д. И. Будаев, Смоленская деревня в конце XIX и начале XX вв., стр. 132.

Таблица 4

Структура годовой зарплаты депутатов Южной Эстонии по данным 1866 г.*

Уезд	Имение	Продукты		Деньги		Земля		Держание скота		Сумма, в лофях
		лоф	%	лоф	%	лоф	%	лоф	%	
Тартуский	Кийдьярве	19,6	39,3	16,5	33,1	9,0	18,0	4,8	9,6	49,9
	Торма	25,8	58,1	13,0	29,3	—	—	5,6	12,6	44,4
	Ранну	26,5	51,2	20,5	39,6	—	—	4,8	9,4	51,8
	Отеляя	12,7	29,8	22,5	53,0	2,5	5,9	4,8	11,3	42,5
	Кяркна	26,7	68,8	11,5	29,6	0,6	1,6	—	—	38,8
	Реола	20,2	47,2	21,0	49,1	1,6	3,7	—	—	42,8
	Куремаа	28,8	58,2	20,0	40,4	—	—	0,8	1,4	49,6
Вырусский	Вольди	12,2	28,0	31,0	72,0	—	—	—	—	43,2
	Кяргула	23,5	49,3	17,0	35,7	1,6	3,4	5,6	11,6	47,7
	Вастселийна	17,7	42,6	17,8	43,0	2,0	4,8	4,0	9,6	41,5
	Лаанеметса	17,2	45,6	12,5	33,2	3,2	8,5	4,8	12,7	37,7
	Сымерпалу	20,2	55,5	15,0	41,2	1,2	3,3	—	—	36,4
	Тыду	19,4	46,5	16,3	39,1	1,2	2,9	4,8	11,5	41,7
Вильяндиский	Вана-Казаритса	13,2	33,7	20,0	51,0	1,2	3,1	4,8	12,2	39,2
	Тапiku	23,2	63,3	11,5	31,3	2,0	5,4	—	—	36,7
	Вастемыйза	15,8	41,4	20,0	52,3	2,4	6,3	—	—	38,2
	Вяйке-Кыпу	19,8	42,6	21,0	45,3	—	—	5,6	12,1	46,4
Пярнуский	Абья	17,1	37,0	29,0	63,0	—	—	—	—	46,1
	Коонга	11,9	32,0	20,0	54,0	1,2	3,2	4,0	10,8	37,1
	Суйгу	25,3	62,8	6,0	14,9	1,2	7,9	5,8	14,4	40,3
	Ярья	23,3	41,4	21,2	37,6	6,0	10,7	5,8	10,3	56,3

* Зарплаты подсчитаны на основе анкеты Лифляндской коллегии от 1866 г. (ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 139, 142—145, 162, 166—168, 170—173, 177, 181, 183, 185, 188, 189, 192). Представлены типичные зарплаты. В большинстве имений отмечена только зарплата депутата, в некоторых учтена и зарплата его жены (соответственно в имении Кийдьярве за 60 дней, в Ранну — за 40, в Отеляя — за 60, в Куремаа, Кяргула и Ярья — за 46 дней). Для лучшего сравнения зарплаты перечислены в лофы ржи на основе расценок, использованных Ф. Юнг-Штиллингом и М. Козиным (Fr. Jung-Stilling, Statistischer Material zur Beleuchtung Livländischer Bauer-Verhältnisse. St. Petersburg, 1868, стр. 104—105; М. И. Козин, Движение заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Латвии во второй половине XIX в., стр. 417).

которые жили на крестьянской земле и над которыми помещики не имели прямого контроля и власти. Они владели относительно свободным выбором хозяина и могли добиваться более благоприятных условий. При высоком спросе во время жатвы они нередко получали дневную плату, в несколько раз большую, чем поденщики «по условию». Это давало им возможность летом обеспечивать себе средства на большую часть года.

Свободными поденщиками были и пришлые из других районов рабочие, которые стали широко использоваться в конце 1860-х годов, когда в имениях большее развитие получили мелиорационные работы. Например, в 1865 г. в имении Хеймтали часть свободных поденщиков была местной, а часть прибыла с о-ва Сааремаа и из Эстляндской губернии. Поденщики использовались на полевых и мелиорационных работах.⁵⁶

Со временем прослойка поденщиков росла. Если владелец имений Карула и Каагьярве Вырусского уезда в 1865 г. жаловался, что для полевых работ, особенно во время жатвы, трудно найти поденщиков, и

⁵⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 421, стр. 13.

поэтому в день он вынужден платить 65—75 коп., то в 1870 г. дешевых поденщиков там уже было достаточно.⁵⁷

Наиболее ярко выраженными сельскими пролетариями в мызах были годовые рабочие, которые вознаграждались по т. н. депутатской системе. Это был капиталистический вольный наем. Среди них были холостые батраки и батрачки и семейные батраки — депутаты. По заключаемому в Юрьев день договору они нанимались на весь год, обязуясь работать на мызе каждый день. Если батраки, работая в мызе, обзаводились семьей и оставались там, то они становились депутатами.

Следует внимательнее присмотреться к условиям труда и жизни этих мызных рабочих. С одной стороны, их подвижность, а с другой, ежедневный труд в коллективе дисциплинировали их и способствовали созреванию пролетарской сознательности и психологии.

Холостые батраки и батрачки. Их использовали на полевых работах, а также обязывали ухаживать за скотом. Кроме квартиры с отоплением (обычно угол в общей комнате) и довольствия за общим столом, мыза платила за них волостные подати. Батраки-мужчины получали 30—35 руб., женщины — 15—25 руб., в целом годовая зарплата составляла около 75—85 руб. (мужчинам) и 50—60 руб. (женщинам). У крестьян батраки получали примерно столько же, но доля денежной части была меньше. Так, в имении Вана-Выйду Вильяндиского уезда в 1868 г. батракам в мызе платили 35—40 руб., а у крестьян — только 20 руб. (плюс к этому 1/2 лофштеля земли под лен и одежда).⁵⁸

Встречались и отклонения от обычной формы оплаты труда мызных батраков в зависимости от районов. В некоторых имениях, прежде всего церковных, предпочитали платить меньше денег и давать вместо них одежду и обувь, как у крестьян. В имениях Пярнуского уезда, таких, как Поотси, Кастна, Тэстамаа, Сели, Аре, Аллику и Ахасте, всю зарплату выплачивали деньгами (65—75 руб.). Батракам отводили только уголок, а питаться они должны были уже за свой счет.⁵⁹ Такая система получила особенное распространение на о-ве Сааремаа. По данным 1866 г., в здешних имениях регулярные рабочие были в основном двух видов: холостые годовые батраки и сезонные рабочие, нанятые с Юрьева дня по Михайлов. Их труд оплачивался деньгами — первым 45—60 руб. и вторым — 25—30 руб. В сравнении с материковой частью зарплата батраков на о-ве Сааремаа была на 20—30 руб. ниже. При этом в близлежащих к матерiku приходах Муху, Пойде, Яяни и Ансеюла зарплата была выше и составляла 50—60 руб., поскольку здесь более широкое распространение получила денежная аренда; в приходах Кихельконна, Мустьяла, Кярла и Каръя в западной и северной части острова, где господствовала барщинная аренда, зарплата соответственно была ниже.⁶⁰

С общим переходом на наемный труд в 1860-х годах повысилась и зарплата батраков. Так, в имении Куремаа Тартуского уезда батракам в 1859 г., кроме питания, платили 25—30 руб., в 1861 г. — 30—35 руб. и в 1866 г. — 42—45 руб.⁶¹

Холостые батраки и батрачки составляли самую мобильную часть сельских рабочих. Мыза могла их нанимать в основном среди бывших

⁵⁷ ЦГИА ЭССР, д. 436, стр. 13; д. 494, стр. 24.

⁵⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 464, стр. 43.

⁵⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 161, 162, 165.

⁶⁰ Там же, д. 147—158.

⁶¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 366, стр. 9; ф. 1427, оп. 1, д. 177.

барщинных батраков, которые привыкли небрежно относиться к подневольному мызному труду и не хотели подчиняться строгой дисциплине в мызе, будучи теперь наемными рабочими. Они пользовались законом 1863 г., который разрешал им свободное передвижение, и поэтому они меняли место работы почти каждый год. Мызам было все труднее найти подходящих батраков для постоянной работы, так как батраки могли наниматься и к крестьянам. Но как отметил владелец имения Крюднери Майдель в 1861 г., недовольство батраков своим положением наблюдалось не только в мызах, но и у крестьян, следствием которого был ежегодный уход их на новые места.⁶² Причиной этого было быстрое развитие капитализма в деревне, разложение старых патриархальных отношений и социальная дифференциация крестьянства. Дворохозяева, многие из которых уже стали собственниками хуторов или будучи арендаторами стремились к этому, старались максимально использовать свою землю и труд батраков, чтобы получить возможно больший доход.

Рассматривая применяемые формы найма в переходный период и формирование пролетариата, надо обратить внимание и на то, что безземельные очень медленно привыкали к продаже своей рабочей силы, особенно за денежную плату. Вице-президент ЛЭО К. Унгерн-Стернберг отметил в 1867 г., что развитие наемного труда тормозят консервативное мышление крестьян, их привычка к натуральному хозяйству. Каждый семейный батрак хотел держать двух коров, и если это его обеспечивало, он соглашался даже на относительно меньшую зарплату. Поэтому дворохозяева стали отказывать в найме на службу семейным батракам, которые до тех пор вознаграждались в основном землей, и предпочитали им холостых батраков и батрачек. Помещики, у которых земли было достаточно, вынуждены были нанимать семейных батраков, предоставляя им возможность держать коров.⁶³

Депутатисты. Семейные годовые батраки стали главной рабочей силой в имениях Эстонии. Их труд оплачивался в основном натурой: продуктами питания для работника и его семьи (т. н. депутат), кормом для скота и клочком земли ($1/2$ лофштеля) под огород или посев льна. Как пищевые продукты, так и корм для скота точно оговаривались в договоре. Кроме натуральной оплаты и бесплатного жилья, депутатисты получали твердо установленную сумму денег. Они должны были работать на мызе каждый день, исключая праздничные и воскресные, а их жены — 20—30 дней. Женам депутатистов запрещалось искать работу на стороне, их обявывали, кроме установленных дней, выходить по первому приказу мызы на работу за поденную плату. Подати, 3—5 руб. на взрослого человека, платила обычно мыза. Рабочие должны были иметь собственные инструменты: вилы, лопаты, вожжи. Почти во всех имениях были введены штрафы.

Чтобы эффективнее использовать депутатистов, все шире стала применяться система сдельной и поденной расценки работ. Нанятые на год сдельные и поденные рабочие (Accordarbeiter, Jahrestagelöhner) получали денежное вознаграждение, определяемое депутатисту вообще на известный срок, по расценке за отдельные работы или же устанавливалась стоимость работы за день без определения рода и вида ее. Все другие выдачи производились им почти так же, как и депутатистам.

Такую систему вознаграждения применяли прежде всего в тех районах, где была больше распространена денежная аренда. По данным 1866 г., депутатистов использовали в 200 имениях, а в 30 из них приме-

⁶² ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 366, стр. 13.

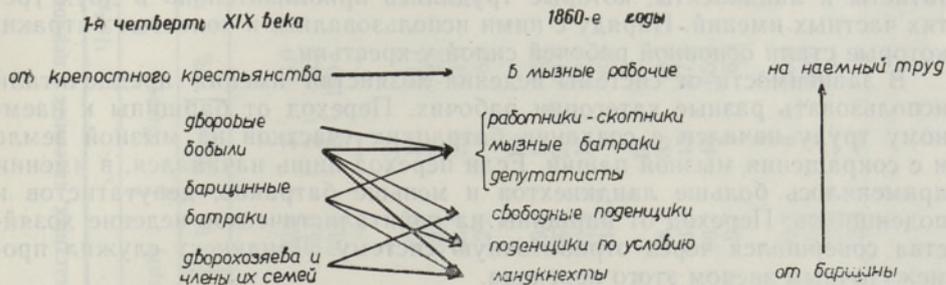
⁶³ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 456, стр. 4.

нялась система сдельной и поденной расценки труда (14 имений в Вильяндском, 8 — в Пярнуском, 6 — в Выруском, 2 — в Тартуском уезде).

В 1860-х годах единой системы оплаты труда мызных рабочих не существовало. Депутатист мог получить деньгами от 20 до 60 руб. и натурой определенный депутат для 1—2 человек. В одном имении ему разрешали держать корову, овец, свинью, в другом это запрещалось; в одном он имел до 6 лошадей земли, в другом — не имел ее вообще. Как видно из табл. 3, структура оплаты депутатиста в данный период была очень разнообразной. В среднем депутатист получал почти половину зарплаты продуктами, больше одной трети деньгами. Около 10% составляли доходы от держания скота и 5% от возделывания земли.

Аналогично депутатистам вознаграждались и рабочие в мызном животноводстве. Но так как они работали каждый день без выходных, т. е. 365 дней в год, то их зарплата была соответственно выше. Депутатисты стали самыми типичными рабочими в мызах Эстонии. Поскольку мызное хозяйство во второй половине XIX века все более специализировалось на животноводстве, росло число депутатистов (их жены использовались на животноводческих работах прежде всего в качестве доярок).

Генезис мызных рабочих. В 1860-х годах сложился основной контингент мызных рабочих. Генезис рассмотренных категорий мызных рабочих представлен на схеме.

Распространение категорий мызных рабочих. Статистические данные о числе и доле отдельных категорий мызных рабочих по рассматриваемому периоду отсутствуют. Такие сведения можно было извлечь из списков членов волостных обществ, которые появились с начала издания Положения о волостном общественном управлении в Остзейских губерниях в 1866 г.⁶⁴ Списки членов многих волостных обществ сохранились в ЦГИА ЭССР в фондах волостных правлений. Но пока на эти ценные источники обратил внимание только А. Вассар, который использовал списки членов Кооркюльской волости.⁶⁵

В табл. 3 представлены данные о социальной структуре четырех волостей, составленные по этим спискам. Как видно из табл. 3, доля разных социальных групп крестьянства территориально была весьма различна, а доля постоянных мызных рабочих среди всего сельского пролетариата в то время была еще сравнительно невелика.

Ценные данные о мызных рабочих содержат и хозяйственные книги

⁶⁴ Сборник дополнительных постановлений к Положению о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г. и других законов, касающихся лифляндских крестьян. Рига, 1878, стр. 81.

⁶⁵ А. Vassar, Maajagamise nõudest 1860-ndate aastate palvekirjade aktsioonides, — «ENSV TA Toimetised. Uhisakonnateadused», 1958, № 2, стр. 122.

имений. К сожалению, они сохранились только в отдельных имениях, в основном с конца XIX — начала XX века.

Анкетные листы статистического бюро Лифляндской Ландратской Коллегии от 1866 г. не фиксировали количество мызных рабочих, но данные о том, каких рабочих использовали в имениях, дают представление о контингенте мызных рабочих Южной Эстонии. Сжато они представлены на карте и в табл. 5 и 6.

Далее рассматриваются уезды материковой части Южной Эстонии отдельно от о-ва Сааремаа, где состав сельских рабочих был существенно иным. При анализе различаются частные, казенные и церковные имения и группы имений по системам хозяйствования.

Из табл. 5 и 6 видно, что только в немногих имениях использовался один вид рабочих. Очень многие хозяйства использовали одновременно как мызных батраков, депутатистов, ландкнехтов, поденщиков, так и отработочных батраков. Например, в имении Аре Пярнуского уезда, где господствовал отработочный труд, кроме отработчиков, трудились 19 ландкнехтов и 3 мызных батрака. Из имений, где уже преобладал наемный труд, можно назвать имение Палупера Тартуского уезда, где работали 31 ландкнехт, 2 батрака и 6 депутатистов, имение Мээри того же уезда — 32 ландкнехта, 29 депутатистов и поденщики. В имении Тооламаа Вырусского уезда было 11 ландкнехтов, 18 депутатистов и 12 поденщиков.⁶⁶

В рассматриваемый период самыми распространенными были депутатисты и ландкнехты, которые трудились приблизительно в двух третях частных имений. Наряду с ними использовались и холостые батраки, которые стали основной рабочей силой у крестьян.

В зависимости от системы ведения хозяйства имения предпочитали использовать разные категории рабочих. Переход от барщины к наемному труду начался с создания батрацких участков на мызной земле и с сокращения мызной пашни. Если переход лишь начинался, в имении применялось больше ландкнехтов и меньше батраков, депутатистов и поденщиков. Переход от барщины на капиталистическое ведение хозяйства совершался через отработочную систему. Ландкнехт служил промежуточным звеном этого перехода.

С одной стороны, ландкнехты представляли собой прямой пережиток барщины, так как «экономическая система, крепостничество именно тем и отличается от капитализма, что первое наделяет трудящегося землей, второй — отделяет трудящегося от земли, первое натурой выдает трудящемуся (или заставляет его самого произвести на своем «наделе») средства для жизни, второй — выдает рабочему денежную плату, на которую он покупает средства для жизни».⁶⁷

С другой стороны, батраки с землей были неизбежным явлением переходного периода, потому что капитализм нигде не в состоянии, находясь на сравнительно низких ступенях развития, совершенно оторвать современного рабочего от земли. Только крупная машинная индустрия окончательно экспроприирует рабочего. В земледелие капитализм проникает особенно медленно, посредством чрезвычайно разнообразных форм. Наделение сельского рабочего землей очень часто делается в интересах самих сельских хозяев, и потому тип сельского рабочего с наделом свойствен всем капиталистическим странам.⁶⁸

Удержание ландкнехтов и хозяйствование при их помощи тормозили капиталистическое развитие мызного хозяйства и замедляли формиро-

⁶⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 146, 161, 169, 172, 187, 188, 190.

⁶⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 331—332.

⁶⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 214, т. 3, стр. 171.

Таблица 5

Категории мызных рабочих в частных, казенных и церковных имениях Южной Эстонии в 1866 г.*

Система хозяйствования	Категории мызных рабочих	Частные имения уездов										Церковные имения	
		Тарту		Выру		Вильянди		Пярну		Всего		Число	%
		Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%		
Переходная с преобладанием отработочного труда	Имения, применявшие батраков	20	30,0	7	43,0	7	28,6	5	40,0	39	33,4	7	43,0
	депутатистов	6	35,0	3	28,5	2	57,0	2	20,0	13	36,0	3	28,6
	ландкнехтов	7	70,0	7	100	5	71,5	3	60,0	29	74,5	5	71,5
	поденщиков	—	—	—	—	1	14,3	—	—	1	2,6	2	28,6
Переходная с преобладанием наемного труда	Имения, применявшие батраков	35	42,9	31	51,7	19	21,1	9	44,5	94	41,5	7	86,0
	депутатистов	15	80,0	23	74,2	4	79,0	4	55,7	39	75,5	6	43,0
	ландкнехтов	28	63,0	20	64,6	14	73,7	6	66,7	71	66,0	3	28,6
	поденщиков	22	2,9	2	6,5	3	15,8	1	11,1	62	7,5	2	—
Капиталистическая	Имения, применявшие батраков	38	39,5	29	48,3	17	29,4	19	42,1	103	40,8	9	55,5
	депутатистов	15	65,8	20	69,0	5	94,0	8	63,2	42	71,0	5	22,2
	ландкнехтов	25	47,5	17	58,7	16	47,0	12	42,2	73	49,5	2	33,3
	поденщиков	18	21,0	2	6,9	8	11,8	8	21,1	51	15,5	3	22,2
Всего имений, применявших наемный труд	батраков	93	38,7	67	49,3	43	25,6	33	42,5	236	39,4	23	61,0
	депутатистов	36	64,5	33	67,3	11	81,4	14	54,5	94	67,0	14	30,4
	ландкнехтов	60	58,2	44	65,8	35	62,8	18	51,5	158	60,3	7	43,5
	поденщиков	54	9,7	4	6,0	27	14,0	17	15,2	142	10,2	10	17,4
Казенные имения (капиталистическая)	Имения, применявшие батраков	15	26,7	5	60,0	13	38,4	18	66,7	51	43,2	4	—
	депутатистов	4	80,0	3	60,0	5	84,5	10	50,0	22	68,7	22	31,4
	ландкнехтов	12	40,0	—	—	11	53,8	9	16,7	35	31,4	16	—
	поденщиков	6	13,3	—	—	7	15,4	3	22,2	16	8	15,7	—

* ЦИГА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 139—192.

Таблица 6

Применение ландкнехтов и холостых батраков и депутатов
в частных и церковных имениях Южной Эстонии в 1866 г.*

Система хозяйствования	Категории мызных рабочих	Частные имения в уездах												Церковные имения	
		Тарту		Выру		Вильянди		Пярну		Всего		Церковные имения			
		Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%		
Переходная с преобладанием отработочного труда	Только ландкнехты	7	35,0	2	28,5	1	14,2	2	40,0	12	30,8	2	28,6		
	Ландкнехты и батраки-депутаты	7	35,0	5	71,5	4	57,2	1	20,0	17	43,6	3	43,0		
	Только батраки-депутаты	6	30,0	—	—	2	28,6	2	40,0	10	26,6	2	28,6		
	Всего имений в группе	20	100,0	7	100,0	7	100,0	5	100,0	39	100,0	7	100,0		
Переходная с преобладанием наемного труда	Только ландкнехты	—	—	—	—	1	5,3	—	—	1	0,9	—	—		
	Ландкнехты и батраки-депутаты	22	62,9	20	64,5	13	68,4	6	66,7	61	65,0	2	28,6		
	Только батраки-депутаты	13	37,1	11	35,5	5	26,3	3	33,3	32	34,1	5	71,4		
	Всего имений в группе	35	100,0	31	100,0	19	100,0	9	100,0	94	100,0	7	100,0		
Капиталистическая	Только ландкнехты	3	7,9	—	—	—	—	1	5,3	4	3,9	—	—		
	Ландкнехты и батраки-депутаты	15	39,5	17	58,7	8	47,2	7	36,9	47	45,6	3	33,3		
	Только батраки-депутаты	20	52,6	12	41,3	9	52,8	11	57,8	52	50,5	6	66,7		
	Всего имений в группе	38	100,0	29	100,0	17	100,0	19	100,0	103	100,0	9	100,0		
Всего имений, применявших наемный труд	Только ландкнехты	10	10,7	2	3,0	2	4,7	3	9,1	17	7,2	2	8,7		
	Ландкнехты и батраки-депутаты	44	47,3	42	62,6	25	58,1	14	42,5	125	53,0	8	34,8		
	Только батраки-депутаты	39	42,0	23	34,4	16	37,2	16	48,4	94	39,8	13	56,5		
	Всего имений в группе	93	100,0	67	100,0	43	100,0	33	100,0	236	100,0	23	100,0		

* ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 139—192.

вание мызного пролетариата. Крестьянская разобщенность ландкнехтов и их привязанность к земле препятствовали их подвижности и мешали формированию у них пролетарской психологии.

Из тех частных имений, которые применяли только наемный труд, около половины использовали труд ландкнехтов, что свидетельствует о низком уровне капиталистических отношений в них. В казенных имениях, где господствовала капиталистическая система (кроме имений Рээгольди Вильяндиского уезда и Вяйке-Улила Тартуского уезда, где была испольтщина), состав рабочих был иным: доля ландкнехтов была почти в два раза меньшей, чем в частных имениях той же капиталистической системы. Большинство казенных имений использовали депутатистов и холостых батраков и больше, чем в других имениях, применяли поденщиков. Из рассмотренных 51 казенного имения 35, или 68,7%, хозяйствовали без ландкнехтов. Для казенных имений было характерно и более интенсивное землепользование, так как в них хозяйствовали уже арендаторы-капиталисты, заинтересованные в получении прибыли. Они стремились сами обрабатывать всю мызную землю и поэтому не создавали на ней новых крестьянских дворов и сокращали оплату земель. Здесь только доля мызной пахотной земли, отведенной в пользование корчмарям, мельникам и лесникам, была большей, чем в частных имениях, так как эти участки сдавались в аренду органами Министерства Государственных Имуществ, а не арендаторами имения.

Таблица 7

Распределение мызной пахотной земли в казенных имениях в 1866 г.
(лофштели и %)*

Уезды	Число имений	В пользовании мызы	у батраков	У корчмарей, мельников и лесничих	У крестьянских дворов	Всего					
Тартуский	13	4059	79,3	765	15,0	292	5,7	—	—	5096	100,0
Вырусский	5	1479	71,8	155	7,6	383	18,6	40	2,0	2057	100,0
Вильяндиский	12	6520	77,4	647	7,7	1059	12,6	212	2,3	8438	100,0
Пярнуский	16	5454	53,0	124	1,2	4318	42,0	386	3,8	10282	100,0
Всего	46	17512	65,5	1691	6,5	6052	23,5	638	2,5	25873	100,0

* ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 139—146, 159—192.

В частных имениях в то же время в собственном пользовании мызы было около 60% мызной пахотной земли. Мызным рабочим в виде вознаграждения сдавалось в аренду около 10%, корчмарям, мельникам и лесникам — около 5% и крестьянским дворам, основанным на мызной земле, — 30% мызной пашни.⁶⁹

При рассмотрении особенностей форм найма в территориальном плане становится очевидной связь с распространением денежной аренды и продажей дворов. В Пярнуском уезде, где было больше проданных или переведенных на денежную аренду дворов, был шире распространен и свободный наем. Из всех южноэстонских уездов здесь было наибольшее количество мызных батраков, депутатистов и поденщиков и меньше ландкнехтов, что свидетельствовало о широком развитии товарно-денежных отношений. Здесь был достаточно равномерным и состав мызных

⁶⁹ T. Rosenberg, Lõuna-Eesti mõisate üleminekust palgatööjõu kasutamisele 1866. aasta ringküsitleuse andmeil, стр. 266.

Таблица 8

Мызные рабочие о-ва Сааремаа в 1866 г.*

Категории мызных рабочих	Частные имения		Казенные имения		Церковные имения	
	Число	%	Число	%	Число	%
Годовые батраки	34	69,5	34	97,3	4	66,7
Сезонные рабочие	18	36,8	3	8,6	5	83,4
Поденщики	16	33,7	3	8,6	3	50,0
Депутатисты	2	4,1	—	—	—	—
Всего имений	49	100,0	35	100,0	6	100,0

* ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 147—158.

рабочих. Противоположное положение было в Выруском уезде, где в одной мызе нередко можно было встретить рабочих всех категорий. То же наблюдалось и в Вильяндиском уезде, но там одновременно было весьма распространено использование поденного труда.

На о-ве Сааремаа из мызных рабочих применяли в основном холостых годовых батраков. Так как здесь малоземельных крестьян было больше, чем на материке, то шире использовали поденщиков и сезонных рабочих, но в отличие от материковых уездов использовали их больше в тех имениях, где преобладала отработочная аренда.

К концу 1860-х годов в Южной Эстонии в основном сформировался контингент мызных рабочих. Сложившиеся в это десятилетие формы найма и категории мызных рабочих существовали до конца мызного хозяйства. В следующие десятилетия происходили изменения численности отдельных категорий пролетариев в соответствии с развитием всего мызного хозяйства.

Как отмечалось в отчете Лифляндского экономического общества в 1869 г., к этому времени увеличился приход рабочих в мызу, несмотря на более строгую дисциплину здесь по сравнению с крестьянским хозяйством. К концу десятилетия уменьшилось вознаграждение рабочих земель и стала заметной тенденция перевода рабочих на поденную систему оплаты. Да и сами помещики стали больше ценить рабочую силу и интенсивнее ею пользоваться. Наряду с этим во многих имениях увеличилось количество сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий труда.⁷¹ Это стимулировало более высокую производительность труда.

Оценивая развитие капитализма в Южной Эстонии в 1860-х годах, можно сделать вывод, что всего за одно десятилетие в мызном хозяйстве произошел переломный поворот. Определяющими стали капиталистические отношения, сформировалась прослойка мызных рабочих. Но если анализировать имения по применяемым в них формам найма и категориям рабочих, можно заметить, что большая часть форм найма несла в себе черты отработочной системы, вследствие чего степень развития капитализма в эстонском мызном хозяйстве была намного ниже, чем его масштабы. Поскольку переустройство в сельском хозяйстве основывались на крупном помещичьем землевладении, которое служило опорой отработочной аренде, а процесс этот оставался в руках старого и в большинстве своем консервативного прибалтийского дворянства, то неизбеж-

⁷¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 477, стр. 6—7.

ным было сложное переплетение старого и нового в хозяйстве и в социальных отношениях деревни и медленная эволюция капитализма по прусскому пути.

Институт истории
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
20/IX 1976

T. ROSENBERG

LÕUNA-EESTI MÕISATE ÜLEMINEK PALGATÖÖJOU KASUTAMISELE JA MÕISATÖÖLISTE KIHII KUJUNEMINE 1860. AASTAIL

Resümee

Mõisate üleminekus palgatööjõu kasutamisele ja mõisatööliste kihii kujunemises võib eristada 2 perioodi: 19. sajandi algusest kuni 1860. aastateni ja 1860. aastad. Esimesel perioodil, alates esimestest nn. sulastemajanduse rakendamise katsetest üksikutes mõisates kuni üldise raharendile ja palgatööle üleminekuni, toetus see protsess peamiselt mõisateenijatele ja vabadikele kui talurahva põhimassist erinevat seisundit omavatele, tootmisvahenditeta kihtidele. Palgatöölisteks kujunesid need mõisateenijad, kes töötasid loomakasvatuses. Vabadikke püüti muuta mõisast sõltuvaks palgatööjõuks mõisamaale ümberasustamisega. Uueks jooneks oli 19. sajandi I poolel vabadike hulgast alaliste mõisasulaste palkamine, keda kasutati sulastemajanduses kõrvalt teolistega. Selliseid mõisaid oli aga esialgu väga vähe. Pööre toimus 1860. aastail, kui teorendi keelamine sundis mõisaid massiliselt palgatööjõudu kasutama. Sel perioodil kujunesid kõik põhilised palkamisvormid ja mõisatööliste liigid, mis püsisid kuni 1917. aastani. Ülemineku- perioodile oli iseloomulik kandimeeste laialdane kasutamine. Peale nende kasutati kaht liiki päevilisi: eelnevalt palgatud ja eritingimustega seotud päevilisi (*angesiedelte Tagelöhner*) ning vabu päevilisi. Kõige selgejoonelisemad maaproletaarlased olid moonakad ja vallalised mõisasulased. Erinevate mõisatööliste liikide rakendamise ulatus sõltus mõisa majandamise viisist. Üleminek teorendilt kapitalistlikule majandamisele toimus peamiselt kandimeeste kaudu, keda rakendati rohkem just neis mõisates, kus palgatöö kõrval oli säilinud teorent. 1860. aastail Lõuna-Eesti mõisamajanduses toimunud pööride tõttu said põllumajanduses määravaks kapitalistlikud suhted ning kujunes mõisatööliste kiht. Palkamisvormides ilmnes aga veel rohkesti teorendisüsteemi jälgi, mistõttu Eesti mõisamajanduses oli kapitalismi arengu aste märksa madalam selle ulatusest. Peaaegu kõikjal valitsesid kapitalistliku majanduse madalamad vormid.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut

Toimetusse saabunud
20. IX 1976

T. ROSENBERG

DER ÜBERGANG DER GUTSHÖFE ZUR LOHNNARBEIT UND DIE ENTSTEHUNG DER GUTSARBEITERSCHICHT IN SÜDESTLAND IN DEN 1860-ER JAHREN

Zusammenfassung

Im Übergangsprozeß der Gutshöfe zur Lohnarbeit und in der Entstehung der Gutsarbeiterschicht kann man 2 Perioden unterscheiden: 1) vom Anfang des 19. Jahrhunderts bis zu den 1860-er Jahren; 2) die 1860-er Jahre. In der ersten Periode, von den ersten Versuchen der Einführung der Knechtswirtschaft bis zum massenhaften Übergang zur Geldpacht und Lohnarbeit, stützte sich dieser Prozeß auf die Hofleute und Lostreiber, weil sie keine Produktionsmittel besaßen und im Vergleich zu den anderen Bauern eine unterschiedliche Lage hatten. Als Lohnarbeiter kann man diejenigen Hofleute betrachten, die in der Viehzucht beschäftigt waren. Mit der Ansiedlung der Lostreiber auf dem Hofland wollte der Hof sie in eine abhängige entlohnte Arbeitskraft verwandeln. In der

1. Hälfte des 19. Jahrhunderts war die Einstellung ständiger Hofsknechte aus Lostreibern, die in der Knechtswirtschaft neben den Fronknechten verwendet wurden, eine neue Erscheinung. Solche die Lohnarbeit verwendenden Güter gab es aber in Südestland vor dem Anfang der 1860-er Jahre sehr wenig. Die Wandlung fand in den 1860-er Jahren statt, als die Abschaffung der Fronarbeit die Gutsherren nötigte, massenhaft zur Lohnarbeit überzugehen. In dieser Periode bildeten sich alle die wesentlichen Einstellungsformen, die bis zum Jahre 1917 existierten. Kennzeichnend für die Übergangsperiode war die verbreitete Verwendung der Landknechte. Es gab zwei Arten Tagelöhner: die auf dem Hofslande angesiedelten Tagelöhner und die auf dem Bauerlande wohnenden freien Tagelöhner. Klar umrissene Landproletarier waren die Deputatisten und die unverheirateten Hofsknechte. Die Ausdehnung der Verwendung der verschiedenen Hofsknechtstypen hing vom Wirtschaftssystem ab. Der Übergang von der Fronpacht zur kapitalistischen Bewirtschaftung fand hauptsächlich statt durch die Landknechte, die mehr in solchen Gütern eingestellt wurden, wo sich neben der Lohnarbeit noch die Fronpacht erhielt. Dank der Wandlung in der südestländischen Gutswirtschaft wurden in den 1860-er Jahren die kapitalistischen Beziehungen entscheidend und es entstand die Gutsarbeiterschicht. Ein großer Teil der Einstellungsformen trug noch die Züge des Fronpachtensystems, weshalb fast überall in der südestnischen Gutswirtschaft die niedrigen Formen des Agrarkapitalismus vorherrschten.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 20. Sept. 1976

... DER ÜBERGANG DER GÜTER ZUR LOHnarBEIT UND DIE ENTSTEHUNG
... DER GÜTSARBEITERSCHICHT IN SÜDESTLAND IN DEN 1860-ER JAHRen

... im 19. Jahrhundert war die Einstellung ständiger Hofsknechte aus Lostreibern, die in der Knechtswirtschaft neben den Fronknechten verwendet wurden, eine neue Erscheinung. Solche die Lohnarbeit verwendenden Güter gab es aber in Südestland vor dem Anfang der 1860-er Jahre sehr wenig. Die Wandlung fand in den 1860-er Jahren statt, als die Abschaffung der Fronarbeit die Gutsherren nötigte, massenhaft zur Lohnarbeit überzugehen. In dieser Periode bildeten sich alle die wesentlichen Einstellungsformen, die bis zum Jahre 1917 existierten. Kennzeichnend für die Übergangsperiode war die verbreitete Verwendung der Landknechte. Es gab zwei Arten Tagelöhner: die auf dem Hofslande angesiedelten Tagelöhner und die auf dem Bauerlande wohnenden freien Tagelöhner. Klar umrissene Landproletarier waren die Deputatisten und die unverheirateten Hofsknechte. Die Ausdehnung der Verwendung der verschiedenen Hofsknechtstypen hing vom Wirtschaftssystem ab. Der Übergang von der Fronpacht zur kapitalistischen Bewirtschaftung fand hauptsächlich statt durch die Landknechte, die mehr in solchen Gütern eingestellt wurden, wo sich neben der Lohnarbeit noch die Fronpacht erhielt. Dank der Wandlung in der südestländischen Gutswirtschaft wurden in den 1860-er Jahren die kapitalistischen Beziehungen entscheidend und es entstand die Gutsarbeiterschicht. Ein großer Teil der Einstellungsformen trug noch die Züge des Fronpachtensystems, weshalb fast überall in der südestnischen Gutswirtschaft die niedrigen Formen des Agrarkapitalismus vorherrschten.